

18+

ЛАЗИЗ КАРИМОВ

Игра на выбывание

И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

Лазиз Каримов
Игра на выбывание.
и другие истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50435324
ISBN 9785449818362*

Аннотация

«Они все мертвы. Все до единого. И ты не смог помочь никому из них. Теперь твоя очередь. Что ты скажешь своему Создателю перед смертью?» Школьный учитель Николай Кречетов получает письмо от своего давнего выпускника Андрея Кравцова. Андрей сообщает, что его бывшие одноклассники погибают один за другим при странных обстоятельствах. Горстка оставшихся в живых пытается разобраться в происходящем. Но главная их задача – выжить. Потому что неизвестно, кто станет следующей жертвой. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

ИГРА НА ВЫБЫВАНИЕ	5
Пролог	5
Глава 1. Ник	8
Глава 2. Андрей	15
Глава 3. Надя	23
Глава 4. Сашка	30
Глава 5. Дорога	39
Глава 6. Встреча	45
Глава 7. Сквозь туман	57
Глава 8. «Welcome to my world»	74
Глава 9. Правила игры	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Игра на выбывание и другие истории

Лазиз Каримов

Иллюстратор обложки Беловолова Екатерина

© Лазиз Каримов, 2020

ISBN 978-5-4498-1836-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГРА НА ВЫБЫВАНИЕ

Повесть

Мы всегда будем в ответе за тех, кого приручили.

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц».

Пролог

Он перечитывал текст электронного письма снова и снова, будто ища скрытый смысл, который бы коренным образом отличался от явного. Он вставал, ходил по комнате сужающимися кругами, неизбежно возвращаясь к письменному столу, словно ночной мотылек, влекомый мерцающим экраном, каждый раз надеясь, что текст изменится, что все это окажется не более чем наваждением, трюком перегруженного разума, глупой ошибкой. Да чем угодно, лишь бы не правдой.

Но буквы на экране упорно отказывались складываться в другие слова, а слова не хотели означать ничего, кроме увиденного при первом прочтении:

«Они все мертвы.

Все до единого.

И ты не смог помочь никому из них.

Теперь твоя очередь.

Что ты скажешь своему Создателю перед смертью?»

В коридоре послышался скрип половицы.

Это не может быть правдой. Это всего лишь розыгрыш, чья-то злая шутка, затянувшийся пранк. Вот сейчас шутник снимет маску, и он увидит старого приятеля, добродушно улыбающегося и протягивающего...

Он опускает глаза и видит в своих руках бельевую веревку. Пальцы предательски теребят ее, придавая форму, столь часто виденную им в фильмах. За окном ночной город пестрит огнями. Теперь они видны лучше, ведь он смотрит на них с высоты стула. Короткий шаг – и огни города пляшут перед его взором в последний раз.

Экран ноутбука гаснет.

Глава 1. Ник

Долгожданный снег так и не пошел.

Не присыпал пыльные, уставшие за лето тропинки. Не укрыл осиротелые ветви вишен в палисадниках. Не замел вспаханные огороды. Оставил землю и ее произрастения нагими и беззащитными перед злыми морозами, а людей – растерянными и подавленными в окружении безжизненной, мерзлой серости.

Николай Иванович Кречетов, известный нескольким поколениям учеников под незамысловатым прозвищем Ник, страстно любил зиму такой, какой помнил ее с детства. С катанием на горках, игрой в хоккей, барахтаньем в сугробах до промокших подштанников, с ослепительными искрящимися рассветами и злыми белыми метелями.

Он обожал снег за его небесную чистоту, за способность скрыть под уютным пуховым одеялом все земное безобразие, убелить любую скверну, сберечь любую тайну. Только зимой мир казался не тем, чем был на самом деле. Снег давал простор фантазии, мечтам, творчеству. Вдохновляясь зимними пейзажами, Ник в своем воображении создавал миры и пространства, воздвигал и в одночасье свергал монархов, заново переписывал историю вселенной по собственному изволению.

Возможно, именно благодаря этим белым крупинкам,

скромному дару небес, он до сих пор не утратил остаток интереса к жизни.

Но вот уже середина декабря, а мир по-прежнему безобразен и пуст, и лишь холодное солнце насмешливо посылает серой земле остатки своего тепла.

Как тут не запить?

Стоя у окна, Ник украдкой покосился на полупустой графин водки в серванте. В отношении алкоголя последние пару лет он был стопроцентным пессимистом: стакан наполовину пуст, а еще чаще совсем пуст. Количество опустошенных за это время стаканов росло в геометрической прогрессии.

«Николай Иванович, ты же понимаешь, что я это все не одобряю», – наливая очередную стопку себе и Нику, говорил Семен Андреич, бывший директор, а теперь ночной сторож самой старой из трех школ их небольшого городка. Они часто сживали вдвоем в каморке, где Семен Андреич трудился сутки через двое. «Ты отличный учитель, творческая личность, англичанин от бога, но водка тебя сгубит», – добавлял пенсионер и, не морщась, опрокидывал рюмку.

Ник не мог не чувствовать обеспокоенности тем, что перерывы между свиданиями с бутылкой становились все короче. Он старался покупать алкоголь в разных магазинах, чтобы явное для него как можно дольше оставалось тайным для других. Траектория собственного движения была ему вполне ясна, но искать иной путь не было ни сил, ни жела-

ния. И пусть уроки на следующее утро будут невыносимым мучением, сегодня вечером это казалось адекватной платой за возможность скрасить одиночество.

А в отношении одиночества он мог считаться экспертом с большой буквы. В разводе уже семь лет, единственная дочь замужем, живет в Чехии, ни братьев, ни других родственников, с кем можно было бы поддерживать отношения.

Жена и дочь так и не смогли простить ему той интрижки с Лизой. Ник сам не знал, зачем влез в эту историю: бывшая ученица, моложе его на двадцать лет, только закончила институт и пришла работать в школу. «Она же ровесница Инги!» – укоризненно бросила ему Тамара в тот вечер, когда обо всем узнала. – «Никогда не думала, что ты такой дурак».

Через неделю Ник остался один. Инга ни разу не ответила на звонки отца, не пригласила на свадьбу, и об ее отъезде за границу Ник узнал из ее профиля на Фейсбуке.

Он каждый день спрашивал себя, что толкнуло его на глупость, стоившую ему семьи. Возможно, всему виной было чувство постоянной неудовлетворенности, неприятие действительности, поиск идеала. «Ты не можешь жить в этом мире – он всегда будет для тебя недостаточно хорош», – много раз слышал он от жены в разгар очередной ссоры.

Конечно, она была права. Серые будни, обывательское существование, удушающая рутина – Ник буквально физически ощущал, как с каждым годом их холодные пальцы все крепче сжимаются на его горле. А ему хотелось романтики,

постоянного полета чувств, вечной молодости. И поначалу казалось, что Лиза – это ответ.

Разумеется, ответом Лиза не стала.

После развода Ника они сошлись и прожили вместе полгода. То были шесть месяцев постепенного прозрения и разочарования, двадцать шесть недель в мучительных усилиях соединить несоединимое, сто восемьдесят бесплодных попыток прожить новый день счастливо.

Они расстались так же, как встретились, – быстро и без лишних слов. Она уехала в Подмосковье, вышла замуж за молодого, родила.

Подонжуанствовав еще пару лет, Ник, наконец, пришел к выводу, что искать счастья в отношениях с женщинами было глупо.

Работа никак не могла удовлетворить его внутренних потребностей, ведь она была частью той повседневности, в которой Ник видел главное зло своей жизни. Он часто говорил, что будь у него постоянный источник дохода, он не проработал бы больше ни одного дня.

Конечно, такое отношение созрело у него сравнительно недавно. Причиной он считал весь тот бардак, что творился в системе образования в последние десять – двенадцать лет. В начале своей педагогической деятельности Ник, как и все, был энтузиастом в густо-розовых очках.

Своего класса у Ника не было уже второй год. Он вздохнул с облегчением, когда стал просто учителем английско-

го без классного руководства. Пришел, отвел уроки, ушел – ни тебе нервотрепки, ни бесконечных отчетов, ни собраний. Такое положение дел вполне его устраивало. Тем более, что душевный покой стоил куда дороже, чем та смешная сумма, которую он потерял, оставшись без класса.

Когда Ника спрашивали, любит ли он детей, он неизменно отвечал: «Моя задача – учить их. Любить должны родители». Тем не менее, детям он нравился, и они были уверены, что это взаимно.

А пустота в душе оставалась, и Ник заполнял ее, чем мог: чтением, музыкой и алкоголем. Уже который год самым подходящим саундтреком к его жизни были «Винные мемуары» Крематория:

Весь день жизнь мешалась с вином.

Итог – лишь похмельный синдром.

Мы уйдем, а бездонность бокала

Будет души другие жечь.

Выпит ром, но не сказана речь.

Он подошел к серванту и посмотрел на свое отражение в зеркале задней стенки.

Все еще видный мужчина в свои сорок девять. Седых волос уже почти столько же, сколько черных, но седина даже в некотором смысле была ему к лицу. Выразительные карие глаза, брови чуть гуще, чем хотелось бы. Домашний свитер

скрывал некоторую обрюзглость тела, выделяя лишь широкие плечи – в юности Ник занимался плаванием.

Мужчина хоть куда, в полном расцвете сил, сказал бы Карлсон.

Ник усмехнулся своему отражению. Хоть куда. Только вот некуда.

С минуту он в раздумье изучал графин, который так заманчиво поблескивал со средней полки серванта. Облизнул внезапно пересохшие губы. Посмотрел на часы.

Половина пятого. Завтра среда, семь уроков. Да еще чертово совещание по пробным экзаменам в девятых классах. Зачем им обязательный английский? Кто вообще придумал эту дичь?

Желание выпить вдруг стало практически непреодолимым.

Что ж, единственный способ избавиться от искушения – поддаться ему, в который раз процитировал он Оскара Уайльда. Будто услышав его мысли, во дворе жалобно завыл Герцог – кавказская овчарка, единственная родственная душа, если есть у собак души.

Кто знает, как повернулась бы его жизнь, если бы в тот момент компьютер был выключен. Но история не знает солагательного наклонения, как любят повторять учителя истории во всем мире.

Он уже почти отодвинул стекло, чтобы достать графин, когда вдруг услышал оповещение электронной почты о но-

вом письме. Что-то заставило его остановиться и подойти к ноутбуку, стоявшему на столе у окна. Письма на личную почту он получал нечасто. Это могла быть Инга. Вдруг она все же решила написать отцу. Очень маловероятно, но чем черт не шутит...

С этими мыслями Ник покинул опасную зону серванта и ступил на территорию неизведанного.

Глава 2. Андрей

Андрею Кравцову часто казалось, что его направляет чья-то могучая и добрая рука. Даже в тридцать три года он не утратил этого оптимизма: Андрей не верил в слепую удачу, ему хотелось видеть во всем высший замысел. И он его видел.

В семь лет отец спросил его: «Хочешь учить английский?». «Хочу», – ответил Андрей и стал учеником английской школы, тогда единственной в городе.

Ему повезло (нет, не повезло, это была часть высшего замысла) с учителем английского: Ник считался лучшим специалистом в школе, все мечтали попасть к нему, а у Андрея он еще и был классным руководителем с пятого класса. «Удача», – сказали бы многие. Но Андрей знал, что дело тут не в простом везении. Его жизненный путь был предначертан с детства.

Их было всего тринадцать человек (экспериментальный класс, оптимальное количество для изучения языка) – пять девочек, восемь мальчиков. Ник души в них не чаял – они были его первым классом, к тому же разница в возрасте была всего шестнадцать лет, он годился им в старшие братья – и ребята платили ему взаимностью.

Они проводили вместе уйму времени, ходили в походы весной и летом, катались на лыжах и коньках зимой. Ник

иногда приглашал их домой, и девчонки нянчились с маленькой Ингой, пока парни брэнчали на гитаре и слушали его байки о студенчестве. А раз в полгода они всем классом ездили куда-нибудь на поезде или автобусе.

Стоит ли говорить, что для большинства ребят их класса английский был любимым предметом, а Ник – лучшим учителем.

Но никто не был так привязан к своему классному руководителю, как Андрей Кравцов. Он старался подражать ему во всем от произношения до походки, в восьмом классе начал слушать Крематорий и Наутилус, читать Шекли, Муркока и Кинга. Даже часы носил на правой руке, совсем как его кумир.

Наверное, и переводчиком Андрей решил стать по той же причине, вопреки желанию отца, видевшего его юристом. Когда на выпускном он сообщил о своем решении Нику, тот широко улыбнулся и крепко обнял юношу. Андрей почувствовал, что стоит на верном пути.

Пять лет в университете были незабываемы.

Андрей с головой погрузился в мир филологии. Добрую половину свободного времени он проводил в библиотеке за чтением зарубежной литературы от Гомера до наших дней. Выбор между литературоведением и лингвистикой был очевиден – ни одной лишней минуты Андрей не хотел потратить на изучение фонем, семем или, прости Господи, гиперсем. Его умом и воображением владели слова, идеи

и сюжеты мертвых писателей. И в этом он тоже видел глубинный смысл – ведь с детства он любил чтение сильнее еды.

Уже на первом курсе Андрей открыл в себе склонность к творчеству. Началось все с небольших шуточных стишков, лимериков, на английском. Затем были написаны несколько творческих эссе и курсовых, впечатливших преподавателей своей неординарностью и блестящим слогом.

«Уверена, что еще услышу о Вас», – сказала Андрею на втором курсе завкафедрой русской филологии, забирая себе ксерокопию его курсовой по творчеству Леонида Андреева.

Андрей не задумывался всерьез о карьере писателя, но ему всегда была интересна природа вдохновения. Проходя отработку в подвале университетской библиотеки сразу после зачисления в вуз, он разгребал завалы старых книг и наткнулся в одной из них на иллюстрацию, взбудоражившую его воображение. На пожелтевшей странице был изображен человек в старомодной одежде, в задумчивости сидящий за письменным столом с пером в руке. А над его левым плечом склонился демон, что-то шепчущий ему на ухо.

Этот образ прочно запечатлелся в памяти Андрея, постоянно возвращая его к вопросам: «Что есть творчество? Откуда приходят все эти фантастические и безумные идеи? Как может человек сам творить миры, которые никогда прежде не существовали? Или же здесь, в самом деле, замешаны высшие силы?». Он надеялся понять это за пять лет учебы

в универе.

Сейчас, через десять лет после получения диплома, живя в Екатеринбурге и работая в гимназии, Андрей все еще не знал ответа.

Но он не забыл вопрос.

В том, что он стал учителем, Андрей тоже видел некий высший замысел. Почти все его однокурсницы и единственный однокурсник (да, филфак был девичьим царством) мечтали стать переводчиками. В итоге, больше половины его группы сейчас работало преподавателями. В вузах, на языковых курсах или, как он, в школе.

Собственно, в Екатеринбург из Поволжья он перебрался именно в поисках работы своей мечты. Но переводчики в столице Урала большим спросом не пользовались, и Андрей очень скоро оказался в школе.

Был ли он расстроен? Несомненно. Крушение юношеских надежд всегда болезненно. Но именно убежденность, что случайностей не бывает, помогла ему увидеть глубокий смысл происходящего. Работая учителем в школе, он сможет принести реальную пользу. Оставить след в чьей-то жизни. Воздвигнуть себе нерукотворный памятник.

Да, господа присяжные заседатели, наш Андрей был неисправимым идеалистом.

Может, именно эта его черта мешала ему завести семью. Он считал себя неготовым, не вполне зрелым для столь ответственного шага. И хотя еще на филфаке многие девчон-

ки заглядывались, а некоторые откровенно клеились к симпатичному брюнету с немного восточными чертами лица, Андрей всегда держал дистанцию. Эта дистанция оставалась между ним и слабым полом до сих пор, и он не знал как скоро она сократится.

А еще ровно год назад он снова начал писать – впервые после окончания университета. Началось все спонтанно, как и всякое творчество, с тридцатидневного челленджа на английском, который он откопал на просторах интернета. Спонтанно, но не случайно, сказал себе Андрей. И решил не дать вновь разгоревшейся искре угаснуть.

За год Андрей написал семь рассказов на английском языке и пятнадцать на русском. Причем, писал он исключительно под псевдонимом Лазиз Каримов. (Откуда взялось столь экзотическое имя, Андрей сказать затруднялся – кажется, он где-то слышал его во время учебы в универе).

Читать свои рассказы он пока никому не давал – хотел довести их количество до тридцати трех. У него как раз появилась новая идея: молодая семья едет из Саратова в Екатеринбург на машине и сворачивает на проклятую дорогу. Он уже придумал название: «Поворот налево», а главного героя будут звать Андреем.

Перечитывая свои рассказы, Андрей замечал, что у большинства грустная, а порой откровенно мрачная концовка. Поначалу он удивлялся столь явному противоречию между его творчеством и жизненной позицией. Он всегда считал,

что произведение не может жить самостоятельной жизнью, вопреки воле творца, хотя некоторые преподаватели на филфаке утверждали обратное. Но с каждым новым рассказом он все больше убеждался в их правоте.

Порой ему казалось, что, когда он пишет, над его левым плечом, в самом деле, склоняется демон и водит его пером.

Кроме того, примерно с сентября его начала одолевать странная депрессия. Вопреки ровному течению жизни, крепкому здоровью и сносной для Урала погоде, его вдруг стали посещать совершенно нелепые мысли о самоубийстве. Он мог замолчать посреди урока, увидев в своем воображении фигуру, болтающуюся под потолком в петле. Или, стоя в пробке, вдруг задуматься о том, как пуста и бесцельна его жизнь, и не лучше ли свести с ней счеты, пока еще молод.

Андрей совсем не употреблял спиртного, но порой на него наваливалась такая тяжесть, что приходилось собирать в кулак всю свою волю, чтобы не зайти в бар или пройти в супермаркете мимо стеллажей с крепким алкоголем.

Он не мог найти никакого рационального объяснения происходящему, поэтому связывал это с творчеством. Входя в мир фантазии, ты открываешь дверь неизведанному, вглядываешься в бездну, которая в ответ вглядывается в тебя. Со всеми вытекающими последствиями. В его случае последствия были более чем нежелательными, но бросать писать он не хотел. А борьба становилась все напряженнее с каждым месяцем, неделей и днем.

Не верь Андрей в направляющую его благую руку, он бы давно сдался и бросил творчество. Но убежденность в окончательной победе добра давала ему силы, и он встречал новый день с новой надеждой.

Сейчас была середина декабря, и он сидел за столом в своем небольшом кабинете на третьем этаже гимназии. Уроки уже закончились, в школе было пусто. Слева над ним угрожающе нависала пизанская башня непроверенных тетрадей с десятками бездумно списанных сочинений и упражнений, а за окном валил густой снег. Зима в этом году пришла на Урал в конце ноября – позже, чем обычно.

Но Андрей смотрел не на тетради и не на заснеженную улицу с ее автомобилями-черепашками, а на монитор компьютера, и в его памяти воскресали образы из уже далекого школьного прошлого. Лица одноклассников и учителей, школьные кабинеты и коридоры, усыпанный бычками задний двор и... Ник.

Почему он не вспоминал о своем классном руководителе все эти годы? Ни разу не позвонил, не написал. Как будто Ника стерли из его памяти. Словно, покинув стены школы, он разорвал невидимую нить, связывавшую их прежде.

Это было так странно...

Но полученное письмо в одночасье заставило его вспомнить все.

Он еще раз перечитал текст на экране:

«Привет, Андрей!

Это Надя Свиридова, твоя одноклассница из 42 школы.

Помнишь меня?

Я слышала, что ты живешь на Урале, нашла твой адрес в интернете и решила написать.

Как давно ты общался с кем-нибудь из нашего класса?

Я все это время поддерживала связь с Машкой Стрельниковой, от нее узнавала все новости про остальных.

Происходит что-то очень странное и страшное, и мне очень нужно с тобой поговорить.

Пожалуйста, позвони мне».

Дальше следовал номер сотового.

Андрей потянулся за мобильником, задел стопку тетрадей, и та злорадно съехала на клавиатуру.

Метель за окном усиливалась.

Глава 3. Надя

Позвонит или не позвонит? Вдруг адрес старый? Или письмо попадет в спам? А что если он редко проверяет почту? Или просто не захочет позвонить? Мало ли как меняет людей взрослая жизнь...

Сама-то Надя не изменилась со школы даже внешне. Та же худенькая, нескладная фигурка девочки-подростка с многократно оплаканной неразвитой грудью, жидкие светло-русые волосы, туго стянутые на затылке в короткий хвостик, невыразительные серые глаза за стеклом огромных, на пол лица, очков.

Надя с детства ощущала себя гадким утенком, бракованной моделью, лишней деталью, и это восприятие себя с годами не изменилось. Дело было не только во внешности. Сирота с малых лет, живущая с дряхлой бабушкой на пенсию и пособие, она всей душой верила, что не способна ни сказать, ни сделать ничего, достойного чьего-либо внимания.

Окружающие чувствовали эту ее нехватку самоуважения, как собаки чуют страх, и относились к Наде соответственно.

В сорок второй английской школе, куда Надя чудом попала по какой-то социальной программе, она всегда была серой мышкой, выделяясь на фоне ярких личностей одноклассников лишь своей посредственностью. Парни просто не замечали ее, девчонки целенаправленно игнорировали. Даже Маш-

ка, с которой они жили в одном подъезде и вместе ходили в садик, смотрела на нее свысока.

Только два человека общались с ней на равных: Ник и Андрей.

И вот теперь...

Лежащий на кухонном столе смартфон вдруг завибрировал. Незнакомый номер. С замирающим сердцем, Надя нажала на зеленую трубку.

– Алло?

– Надя, это ты? – глубокий мужской голос. Неужели?... – Это Андрей. Я получил твое письмо.

– Андрей! Господи, как здорово, что ты позвонил! Я уже думала... Ох, мне нужно немного успокоиться... Расскажи, как твои дела, а я пока соберусь с мыслями. Мы так давно не виделись...

Она слушала, как Андрей напевно рассказывал о своем переезде, о поисках работы, о гимназии, смеясь, сообщил о том, что так и не женился. Тембр его голоса был приятным, успокаивающим и... сексуальным.

Господи, о чем она только думает?! Ей нужно рассказать ему все. А что, если он не поверит? Сочтет ее поехавшей. Пошлет куда подальше. Надо признать, любой в здравом уме так бы и поступил.

Но Андрей всегда казался ей особенным. И он позвонил ей.

– Ну, а как ты? – вопрос остановил калейдоскоп ее мыс-

лей.

Надя сделала глубокий вдох. Будь что будет.

– Андрей, то, что я сейчас скажу, покажется тебе странным, но постарайся сразу не считать меня сумасшедшей, ладно?

Короткое молчание на том конце провода.

– Я постараюсь. А что случилось?

– Скажи, ты помнишь про Димку? Про несчастный случай?

– Димка Штепо? Да, помню. Он выпал из автобуса почти сразу после выпускного.

– Да-да. Ты, кажется, не был на похоронах? – Там был почти весь класс. Димка был хорошим парнем. Мечтал стать военным...

– Нет. Мы тогда с отцом ездили в Закарпатье перед поступлением в институт.

Да, точно. У семьи Андрея там были знакомые, к которым они ездили каждый год. Они даже чуть не переехали на Западную Украину после девятого класса. Надя вспомнила, как радовалась, когда они вернулись. Без Андрея в старших классах ей было бы совсем тяжело.

– Надя?

– Да-да. Слушай, Андрей... Димка был только началом. – Надя затаила дыхание. Вот сейчас он повесит трубку.

– Что ты такое говоришь?

– Да. Потом была Светка Ибрагимова. – Господи, как же

тяжело даются слова.

– Ибрагимова? Так они с Рустамом?...

– Да, поженились через год после школы.

– «Сладкая парочка», помню, конечно. Подожди, она что, тоже?...

Надя почувствовала растущий в горле ком:

– Утонула на третьем курсе.

– Утонула?! Светка Долженко?! Да она плавала как рыба!

– Вот именно! И совсем не пила. А вскрытие показало, что она была пьяна в стельку.

Молчание. Он повесил трубку?

– Андрей, ты здесь?

– Да.

– Рустам с горя запил. Через год после Светки сгорел в собственной квартире.

Пауза. Мучительно долгая пауза.

– Откуда ты все это знаешь?

– От Машки. Я тебе писала. Ты же помнишь, она всегда про всех все знала.

Машка Стрельникова была их «сарафанным радио», но при этом умудрялась сохранять дружеские отношения со всеми. Марья-искусница, да и только.

– Да, помню. Мы с ней списывались пару раз за это время... Надеюсь, остальные ребята в порядке?

Если бы, Андрей. Если бы.

Сквозь наворачивающиеся слезы, периодически прерыва-

сь, чтобы вытереть глаза и нос платком, Надя рассказала ему об Алисе Бернштейн: вышла за американца, как и мечтала, уехала в Сиэтл, но два года назад умерла от рака матки.

Затем об Антоне Рыжкове: полгода назад – порок сердца. Поднялся на пятый этаж, зашел в квартиру и умер. Молодая жена осталась с младенцем на руках.

Надя уже едва контролировала подступающие к горлу рыдания.

– Антон?! Порок сердца?! Да он же здоровый был как бык!

Она испытала такой же шок, когда услышала эту новость от Машки. Антон был самым жизнерадостным и неутомимым парнем, душой класса. Ездил на горном велосипеде, бегал на лыжах, занимался восточными единоборствами. И никогда не жаловался на здоровье. За всю школу ни одного дня не пропустил по болезни. (А Надя болела по неделе каждый месяц.)

– Очень странно и страшно, правда? Но и это не все.

– Боже, Надя! Пожалуйста, не говори, что...

– На прошлой неделе... Машка... Авария... Занесло на скользкой трассе... Встречная фура... ее «Матис» в пешку... Мгновенная смерть... Хоронили... в закрытом гробу-у-у... – Больше Надя не могла сдерживаться. Она расплакалась в голос. – Прос... ти-и-и... Андрей... Мне так... стра... шна-а-а...

– Надя, Наденька, успокойся. Не плачь. Ну же, Надюша... Какой же он все-таки милый. Как хотелось бы, чтобы сей-

час он мог обнять ее, погладить, прошептать на ухо, что все будет хорошо... О, Господи, она сходит с ума. Ей нужно прекратить эти дурацкие фантазии.

Через минуту, кое-как успокоившись, Надя спросила Андрея, что он обо всем этом думает.

– Это же не может быть простым совпадением, правда? – ответил тот после продолжительного молчания. – А что с остальными ребятами? Игорь, Семен, Сергей, Сашка? А Рита? Ты что-нибудь знаешь про них?

– Машка говорила, что ребята разъехались кто куда. Вроде, с Игорем она в Одноклассниках пару раз списывалась – он где-то не то в Индонезии, не то в Малайзии, я не помню. Потом перестал отвечать. Остальные тоже кто где. Я пробовала их найти в соцсетях, но не смогла. Только Саша...

– Что Саша?

– Я до сих пор с ним не связалась. Машка говорила, что он никуда не уехал. Но ты же помнишь, какой он был странный со своей Библией и белыми братьями.

– Конечно, помню. Не белые братья, но суть та же. Значит, он в Саратове?

– Да. Я не знаю, как его найти. Кажется, в соцсетях его нет.

– Я попробую найти его через сайт их церкви. Если он все еще там, конечно.

– Андрей?...

– Да?

Она сделала паузу, собираясь с духом.

– Ты мог бы приехать?

Молчание. Он ищет повод отказать. Да и какой тут нужен повод – он живет за полторы тысячи километров, с чего бы ему вдруг подрываться и бежать к ней? Кто она ему? Какая-то истеричка, нафантазировавшая с три короба.

– Я приеду.

– Что?! Правда?!

– Да. Я думаю, это все серьезно. Вот только закончится четверть – осталось полторы недели всего. Я давно хотел снова попасть в Саратов. Но сначала попробую найти Сашку. Надеюсь, с ним ничего не случилось.

– Андрей, ты просто чудо!

– И... Надя...

– Что?

– Береги себя.

– Хорошо... И ты тоже... Можно я буду тебе звонить до твоего приезда?

– Конечно, звони. Все будет хорошо, Надюша.

– Надеюсь...

Они попрощались, и Надя еще долго стояла у кухонного окна, прижимая к груди смартфон и мечтательно улыбаясь.

Глава 4. Сашка

Александр Лазарев начал терять веру с того самого момента, как обрел ее.

Конечно, никто не смог бы об этом догадаться, когда в начале одиннадцатого класса он явился в школу с Библией в руке и огнем прозелитизма в глазах. Побывав в летнем лагере для подростков, организованном одной из протестантских деноминаций, что росли в те годы как грибы, Саша с головой погрузился в веру евангельскую. Бескомпромиссные доводы Священного Писания из уст ревностных его толкователей в сандалиях на босу ногу, помноженные на юношеский максимализм и подростковый бунт – и вот бывший заводила многих школьных беспорядков превратился в кроткую овечку с мечом огненным в руке.

Первой эту новость разнесла, конечно же, Машка Стрельникова. «Сашка Лазарев стал исусиком» – ходило волнами по школьным коридорам. Никто не верил, пока не увидели своими глазами. Подходили, спрашивали, дивились состриженному «хаеру», трогали черную карманную Библию, разве что пальцы в ребра не вкладывали.

Саша внутренне ликовал. Никогда он сам не смог бы рассказать о чуде своего обращения так быстро такому количеству людей. А тут явно чувствовалась рука Господня. Значит, Божья любовь коснется многих в стенах школы.

Мало кто знал, что дома его ждала непрестанная и жестокая война с родителями, слишком поздно осознавшими, что отпустить Сашку в тот лагерь было фатальной ошибкой. Они были единодушны в запрете посещать собрания «проклятых сектантов», встречая его из школы по часам, чтобы он не успел улизнуть на встречу с «братьями во Христе». Отец даже обещал натравить на «это общество» ФСБ, но Сашка верил, что Бог защитит Своих избранных.

Молиться ему приходилось тайком в ванной комнате, а Библию он мог читать либо с фонариком под одеялом, когда все засыпали, либо на переменах в школе. Шестнадцатилетний мученик за веру вставал и ложился с надеждой, что однажды пелена неверия упадет с глаз его родителей, и, подобно Савлу на пути в Дамаск, они узрят небесный свет и услышат голос Пастыря.¹

Пока же единственной отдушиной для него была школа.

Класс воспринял нового Сашку без энтузиазма. Поначалу многим казалось, что без него тусовки и попойки утратили былую лихость и безбашенность. Лазарев всегда отличался своей эксцентричностью и нонконформизмом. Было сложно поверить, что этот заядлый металлиста с длинной светлой гривой, ножом в рюкзаке и ожогами от сигарет на левом запястье мог превратиться в фанатичного религиозника.

Только некоторые взрослые, включая Ника, видели, что

¹ Савл из Тарса – гонитель христиан, услышавший на пути в Дамаск голос Христа с неба и ставший впоследствии апостолом Павлом.

это всего лишь другая сторона той же медали.

Несколько раз ребята пытались звать Сашку на вечеринки, но тот отвечал цитатами из Библии, и очень скоро от него отстали. Свято место пустовало недолго, тусовки и попойки пошли своим чередом, а Сашка остался сидеть на первой парте первого ряда со своей неизменной Библией и кучей вопросов к учителю биологии.

Ребята же жили дальше своей подростковой жизнью, кто с недоумением, а кто с усмешкой наблюдая за ним, как за дикинским, но не особо опасным зверьком.

Ник старался не акцентировать внимания на религиозных убеждениях юноши, куда лучше его родителей понимая, что всякое действие рождает противодействие. Он только недовольно поморщился, когда услышал, что после вручения аттестатов Сашка не пойдет с классом в ресторан. Но настаивать не стал. Понимал, что без толку.

Несмотря на обильный посев евангельского семени в школе, в веру так никто и не обратился.

Были долгие беседы с Надей Свиридовой, которая казалась Саше наиболее вероятным кандидатом на спасение. Но все ее вопросы, в конце концов, сводились к тому, возможен ли брак между христианином и неверующей, и если она станет христианкой, то сможет ли потом выйти замуж за неверующего. Он пытался рассказать ей о любви Христа, о Его жертве и о том, что плотские отношения совсем не так важны, как она думает, но его слова падали на каменистую

почву, и разговор снова и снова возвращался к больному для нее вопросу.

В общем, обратить Надю не вышло.

Гораздо интереснее были споры с Андреем Кравцовым.

Этот парень был почти готовым христианином: положительный, спокойный, всегда стоявший среди толпы особняком, готовый заступиться за слабого и гонимого – ему оставалось лишь признать Иисуса своим Господом. Но как раз этого он делать ни в какую не хотел. Сколько ни читал ему Сашка отрывков из Послания к Римлянам, сколько ни объяснял необходимость покаяния и веры – Андрей неизменно твердил: «Я верю в высшую силу, но не доверяю организованной религии».

Он даже однажды согласился пойти с Сашкой на собрание. Пришел, исправно отсидел два часа в душном переполненном зале клуба, послушал проповеди, пение, но на призыв выйти вперед и примириться с Господом, к великому разочарованию своего одноклассника, не откликнулся.

После Андрей сказал: «Саша, ты веришь, и это очень хорошо. Ты стал другим, лучше, чем был. Это здорово. Но пойми, это не для меня. Пожалуйста, не навязывай мне больше свою веру».

На этом их дискуссии прекратились.

После школы была альтернативная служба, женитьба в церкви, рождение сына, ранние похороны родителей, так и не принявших Христа, а в промежутках – постоянные по-

ездки по церковным делам, бесчисленные собрания, проповеди, беседы, молитвы. Жизнь верующего полна событий, кажущихся яркими и значимыми человеку, живущему под невидимым колпаком религиозной догмы, сторонящемуся большого и непонятного мира с его пугающим разнообразием путей и мнений.

Единоверцы считали Александра «духовным», «особенным», «помазанником». Он был харизматичен, начитан, имел хорошую память, мог говорить горячо и убедительно, а некоторый опыт «страданий за Христа», полученный в юности, придавал ему ореол святости в глазах тех, кому не выпала сия «честь».

На него равнялись, к его советам прислушивались, его общества искали, ему прочили большое будущее в церковной иерархии.

И, конечно же, все обожали слушать историю его обращения, скрашенную разными «смачными» деталями – как ни странно, в кругах верующих особенно ценятся истории всяких асоциальных личностей. Видимо, чем дальше человек был от веры, тем большую победу ощущают при его обращении «ловцы человеков».

Однако сейчас, на столь символическом тридцать третьем году жизни, постулаты веры, ранее казавшиеся Александру незыблемыми, перестали удовлетворять его интеллектуальный голод.

Книги, которые он жадно читал, духовные и светские, по-

рождали больше вопросов, чем ответов, заставляя смотреть на Слово Божье под разными углами, часто идущими вразрез с учением братства. Он понимал, что этим усложняет себе жизнь, но не читать не мог, как ни старались убедить его братья, что «много читать утомительно для тела»² и нужно «надеяться на Господа всем сердцем своим и не полагаться на разум свой»³.

После очередного бурного обсуждения какого-нибудь пункта учения, вызывающего у него сомнения, вновь услышав от старейшин совет на все случаи жизни: «Нужно больше молиться, поститься и читать Библию», Александр с горечью ощущал, что все дальше уходит от стада.

Да, он продолжал посещать собрания, изучать Писание, молиться (правда, уже не так истово, как в былые годы), но за всем этим зияла огромная пустота. Он сотни раз слышал и употреблял расхожую фразу о том, что в душе любого неверующего имеется «дыра в форме Бога», но теперь неожиданно обнаружил этот вакуум внутри себя.

То место, которое раньше занимал в его жизни Друг грешников, вдруг оказалось свободно.

Более того, он начал понимать, что с самого начала своей жизни «во Христе» был не настолько убежден, как того хотелось ему и другим.

Он вспомнил, как в первые месяцы после обращения «на-

² Екклесиаст, глава 12, стих 12.

³ Притчи Соломона, глава 3, стих 5.

девал» на себя по утрам свою «новую природу», напоминая себе, что он теперь христианин, а не язычник. Как часто ловил себя в середине дня на том, что забыл о вере, о Христе, о жизни вечной, погрузившись в поток повседневных дел. Как порой стеснялся своей веры, как чего-то постыдного, предпочитая умолчать о ней, если было возможно.

Наверное, если бы не Машка Стрельникова, растрезвожившая о его обращении по всей школе в первые же дни, его проповеди услышало бы куда меньшее число людей. И если бы не активное противление родителей, возможно, он не остался бы таким твердым в следовании избранному пути.

Александр также помнил, как годами загонял на задворки сознания неудобные вопросы: например, о справедливости и любви Бога, создавшего геенну огненную и отправляющего туда всех, кто не уверует; или о страданиях и гибели сотен тысяч невинных по всей земле. Как довольствовался отговорками вроде: «А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: зачем ты меня так сделал?»⁴, как сам отвечал сомневающимся и скептикам заученными фразами и цитатами, как «веровал, ибо абсурдно»⁵.

Такое подавление, как способ выхода из когнитивного диссонанса, не могло не привести к краху – и крах, наконец,

⁴ Послание к Римлянам, глава 9, стих 20.

⁵ Credo quia absurdum (лат.) – формула, приписываемая Тертуллиану; выражает иррациональную природу религиозной веры.

наступил.

Проведя полжизни в церкви и, фактически, не имея близких друзей вне ее круга, Александр был готов признать, что утратил веру. Это неизбежно шокировало бы его жену и членов общины, но он считал, что должен быть честным с собой и с другими – он больше не христианин.

Сейчас он возвращался с собрания старейшин, где открыто сказал братьям о своих сомнениях в боговдохновенности Писания и в существовании Бога вообще. Несмотря на то, что все вело к этому, его признание произвело эффект разорвавшейся бомбы. Александру дали две недели на то, чтобы пересмотреть свои взгляды, в противном случае ему грозило отлучение.

Он шел по припорошенному снегом проспекту, а в голове у него играла песня, случайно услышанная неделю назад в клубе, который их община делила с сайентологами, металлистами, детскими кружками и танцами «кому за пятьдесят». Песня была из его бурного доевангельского прошлого. Кто-то включил ее в подвале, где репетировали местные металхэды, когда Александр поднимался из туалета на второй этаж, готовясь к проповеди. Это была «For Whom The Bell Tolls»⁶ Металлики.

Из клуба он вышел тогда сам не свой. Он никак не мог отделаться от внезапно нахлынувшей ностальгии. Подростковые годы, небывалая свобода, романтика улиц, лица школь-

⁶ «По ком звонит колокол» (песня группы «Metallica»)

ных друзей – все разом навалилось на него, прорвало дамбу запретов и дисциплины, возводимую годами, разбило в пух и прах набившие оскомину аргументы о брэнности бытия, о суетности земных исканий и греховности плотских помыслов.

Его «новая природа» отчаянно сигнализировала об опасности оглядываться назад, о хитрых уловках врага душ человеческих, о том, что глупо менять семнадцать лет жизни с Иисусом на миску чечевичной похлебки.

Все напрасно. Воспоминания упали благодатным семенем на почву, глубоко взрыхленную жестокими сомнениями последних лет. Остатки брони его веры стремительно рассыпались под удары колокола Металлики.

И вот он шагает по свежему снежку под оранжевым светом вечерних фонарей, напевая себе под нос:

For whom the bell tolls?

Time marches on.

*For whom the bell tolls?*⁷

В этот момент в кармане его куртки зазвонил телефон.

⁷ По ком звонит колокол? Время идет вперед. По ком звонит колокол? (англ.)

Глава 5. Дорога

«Дорога петляла и разветвлялась, и не было ей ни конца, ни края. На каждой развилке путник останавливался. Иногда, чтобы сделать выбор, он прислушивался к внутреннему голосу, иногда смотрел на небо в ожидании ответа, но чаще просто бросал монетку. Он знал, что должен идти, но не знал куда.

Ведь жизнь – путешествие, а не место назначения».

Андрей озаглавил отрывок «Путник», закрыл ноутбук и посмотрел в окно. Мимо проплывала очередная заснеженная деревушка.

Он был в пути уже двенадцать часов, до места оставалось чуть меньше суток. Поезд 105Е «Нижевартовск-Волгоград» прибудет в Саратов завтра, в воскресенье 29 декабря, в пять тринадцать утра по местному времени. Сейчас они ехали по Татарстану.

Сегодня Андрей проснулся в четыре утра, на час раньше, чем обычно. Поезд еще шел по Удмуртии. За окном было темно, вагон мерно покачивался, соседи по плацкарту сопли во сне, через стенку кто-то негромко, но часто кашлял. Он лежал в тускло освещенном вагоне, глядя снизу в полку, с которой свешивалась босая нога ребенка (Андрей смутно помнил, как среди ночи помогал его матери засунуть чемодан на самый верх), и пытался размышлять о цели своей по-

ездки.

Но вместо этого в голове роились идеи для очередного рассказа, который он решил назвать «Пусть мертвые погребают своих мертвецов». Он давно хотел написать что-нибудь про зомби-апокалипсис в России, и вот этот момент настал. Как только рассвело, Андрей открыл ноутбук и стал набирать текст.

Сейчас рассказ был написан, за ним последовала короткая зарисовка о путнике, и теперь мысли наконец-то заработали в нужном направлении.

Андрей снова прошелся по известным фактам.

Факт первый: его одноклассники таинственно умирают один за другим.

Об этом ему сообщила Надя, и можно было бы усомниться в правдивости ее слов, но он провел полторы недели в поисках и выяснил, что информация верна. На страницах Антона Рыжкова и Маши Стрельниковой в соцсетях были многочисленные соболезнования от друзей и знакомых. Страниц Ибрагимовых он не обнаружил, но если верить Надиной хронологии, они не застали эпоху повального интернет-эксгибиционизма. Профиль Алисы Бернштейн на Фейсбуке не использовался два года и месяц. Игорь Калугин действительно жил в Малайзии, или так было указано в Одноклассниках (в других соцсетях его не было), но около года не заходил на сайт.

Никакой информации об остальных ребятах Андрей най-

ти не смог, хотя просмотрел сотни профилей их тезок. Возможно, они просто скрывались за вымышленными никами и аватарками котят, цветочков или супергероев, но ему почему-то казалось, что дело в другом – их тоже настигла беда.

Факт второй: Надя, Сашка и он сам живы и договорились встретиться в Саратове.

Телефон Сашки удалось добыть через сайт их общины. Андрей позвонил на указанный там номер церкви, ему долго не хотели давать личные контактные данные, и только после того, как он сказал, что когда-то посещал собрания и хотел бы снова побеседовать с Александром, мужчина на том конце провода наконец уступил и дал номер.

Сашка очень обрадовался звонку и сразу сообщил, что его вера – дело прошлое. Андрей почему-то почувствовал при этом огромное облегчение. Внимательно выслушав бывшего одноклассника, Сашка спросил, чем может помочь. Ответа на этот вопрос Андрей не знал, но сказал, что скоро приезжает и хотел бы встретиться. Сашка тут же согласился.

Факт третий: Ник больше не работает в сорок второй.

Андрей позвонил в свою старую школу сразу же, как только убедился, что Надин рассказ правдив. Поговорив с молодой, судя по голосу, секретаршей, он выяснил, что та не знает Николая Ивановича Кречетова. Возможно, он уже давно не работает, а она здесь уже третий год, и почему бы вам не попробовать поискать его в соцсетях. Андрей поблагодарил ее и спросил, кто сейчас директор школы. Секретарь на-

звала незнакому женщину, и он понял, что найти Ника через Игоря Викторовича, их старого директора, тоже не выйдет.

Андрей знал, что если Ник остался в системе образования, то его имя обязательно должно всплыть в интернете – каждая школа обязана иметь свой сайт, который мало кто посещает, но где есть имена всех работающих педагогов. Нику сейчас должно быть что-то около пятидесяти, а в таком возрасте учителя еще работают всюю. Но поиски пока не дали результатов.

А что если с ним что-то случилось? Вдруг Ник тоже одно из звеньев в этой страшной цепи?

В голове у Андрея зазвучали вступительные аккорды «Скованных одной цепью» Наутилуса.

*Круговая порука мажет, как копать...*⁸

Может ли быть такое, что Ника больше нет? Узнала бы об этом Машка? Почему Надя ничего не сказала о Нике? Пыталась ли она связаться с ним?

Почему Андрей не вспоминал о Нике все эти годы? Как такое вообще возможно?

Даже во время учебы в универе, от которого до школы было рукой подать, он ни разу не зашел к своему классному руководителю.

И если есть те, кто приходит к тебе, найдутся и те, кто

⁸ Далее курсивом выделены строчки песни «Скованные одной цепью» группы Nautilus Pompilius.

придет за тобой...

Они точно пришли за Ником, как приходили за всеми остальными. За Димкой, за Светкой и Рустамом, за Алисой, Антоном и Машкой.

Кто бы они ни были или что бы это ни было, но все мы обречены.

А значит, придут и за ним. Настанет его черед. Придут непременно, куда бы он ни бежал.

Может быть, прямо сейчас он несется навстречу собственной судьбе, вместо того, чтобы улепетывать без оглядки.

Да, совершенно точно, дорога, по которой ты убегаешь от судьбы, приводит именно к тому, от чего ты бежал.

Выхода нет. И нет надежды.

Ты все равно погибнешь, как погибли другие, так не лучше ли прекратить эту бессмысленную игру, выйти на ближайшей станции и прыгнуть под...

Телефонный звонок вырвал его из состояния транса, прогнал наваждение, едва не засосавшее его с головой.

Это была Надя. Она снова звонила, чтобы справиться о его делах. Только в этот раз ее интонации показались ему особенно тревожными. Он успокоил ее, несмотря на колотивший его озноб, они немного поговорили, и Андрей ощутил, как морок отступает.

Он прошелся по вагону, налил себе горячего чая и с полчаса просто сидел, глядя на зимний пейзаж за окном. Он ни о чем не думал, лишь наслаждался тишиной и покоем внут-

ри.

Убедившись, что душевный баланс окончательно восстановлен, Андрей осторожно вернулся к размышлениям.

Если бы с Ником что-то случилось, Машка обязательно бы узнала об этом, а значит, Надя бы тоже знала.

Нет, Ник не мог умереть. Андрей чувствовал это где-то на уровне подсознания. Ник должен жить.

Можно верить и в отсутствие веры...

Нет, он не верит. Он знает. И он найдет Ника. Потому что Ник – ключ ко всему.

И никакие идиотские наваждения не смогут ему помешать.

С этими мыслями Андрей снова открыл ноутбук и продолжил искать своего классного руководителя.

Поезд тяжелой стрелой летел к месту назначения, оставляя позади сотни столбиков-километров, неуклонно сокращая дистанцию между настоящим и прошлым.

За окном медленно плыл розовый закат, когда поиски наконец увенчались успехом.

Глава 6. Встреча

Было раннее воскресное утро, вокзальные фонари ярко освещали усыпанные снегом платформы, пахло пирожками и креозотом, а на перроне его встретила Надя.

На ней было длинное, по самые икры, серое пальто, серая вязаная шапочка с шарфом и такого же цвета угли. «Некто в сером»⁹, – совершенно не к месту мелькнула у Андрея ассоциация. Надя слегка пританцовывала не то от холода, не то от нетерпения. Андрей отметил, что она совсем не изменилась со школы. Даже очки такие же.

Он подошел к ней, придерживая дорожную сумку на плече, и наклонился, чтобы чмокнуть ее в щеку. Надя повисла на его шее. «Легкая, как пятнадцатилетняя девчонка», – подумал Андрей.

– Андрюша! Как же я рада тебя видеть! Ты не представляешь, как я всю дорогу за тебя волновалась!

На самом деле, он очень хорошо себе это представлял: она звонила ему каждые полчаса, спрашивала, в порядке ли он, говорила, что переживает, не сошел ли поезд с рельсов, не захватили ли его террористы, не преследует ли его проводник-маньяк, не подали ли ему чай со стрихнином. Андрей смеялся, отшучивался, а сам в свою очередь спра-

⁹ Персонаж пьесы Леонида Андреева «Жизнь человека» (1907) – символ рока, судьбы.

шивал, все ли хорошо, не видела ли она подозрительных незнакомцев, не задуло ли сквозняком конфорку на кухне и есть ли под рукой телефон спасательной службы.

При воспоминании о том ее звонке, что оказался столь своевременным, его снова начал пробирать легкий озноб.

– Ну, ничего страшного с нами не случилось, значит, надежда есть, – попытался пошутить Андрей. – Куда мы сейчас?

– Ко мне в Ленинский. Я вызову такси. Примешь у меня душ, позавтракаешь. Сашка обещал подъехать к семи. Он где-то в самом начале Заводского живет.

– До сих пор?

– Наверное... Я у него не бывала.

Они болтали на отвлеченные темы, пока ждали Яндекс такси, будто не было никакой угрозы, будто просто два давно не видевшихся человека встретились и обсуждают то небольшое, что их все еще объединяет.

Андрей слушал рассказ Нади о ее работе в библиотеке и думал о том, что все-таки рад снова ее видеть. Надя стала для него мостиком, соединяющим его школьное прошлое с его школьным настоящим, и он был бы ей безмерно благодарен за это, не будь повод таким грустным.

В такси они ехали молча.

– Так вот где ты живешь. – Он окинул взглядом старую серую хрущевку с осыпающимися балконами, заваленный каким-то строительным мусором двор, машины, стоя-

щие впритирку друг ко другу. – Очень похоже на наш старый двор.

– А твои родители...

– Отец в Закарпатье. Мама... Мама умерла шесть лет назад.

– Андрей, мне очень жаль.

– Спасибо, Надь. Ну что, пойдём?

Надя порылась в сумочке, достала ключ от домофона, и они вошли в тускло освещённый, пахнущий сыростью и бычками подъезд. Андрей смотрел на ее хрупкую фигурку, поднимаясь следом по заплеванным ступенькам.

Что ждет их впереди? Куда приведет эта дорога?

Они поднялись на пятый этаж. Площадка была освещена единственной лампочкой без плафона. Андрей сразу угадал Надину квартиру – единственная деревянная дверь, обитая какими-то перекошенными рейками. Номер тридцать четыре.

– Вот мы и пришли, – сказала хозяйка и посмотрела на Андрея, как бы ища поддержки. – Извини, я волнуюсь – гости у меня не часто бывают...

Она вошла первой и включила свет в тесном коридорчике, обклеенном старыми обоями в виде кирпичной стены. Андрей в нерешительности мялся на пороге.

– Да ты проходи, проходи, не бойся натоптать, у меня все равно не прибрано.

Надя с довольным видом оглядела сияющую идеальным

порядком квартиру. Она вылизывала ее по два раза в день с того самого момента, как Андрей сообщил о своем приезде.

– Уютно у тебя, – сказал он, разуваясь. – Можно я сразу в душ?

– Конечно-конечно! Сейчас только колонку зажгу.

Надя побежала на кухню, а Андрей прошел в зал и огляделся.

Стенка советских времен со старыми черно-белыми фотографиями, чайными сервизами и фужерами, красно-коричневый ковер на стене в лучших традициях бабушкиных квартир, у окна обшарпанный столик, накрытый клетчатой скатертью, а снаружи – освещенная фонарями дорога, трамвайные рельсы и вереница одинаковых девятиэтажек. Все в этой квартире навевало тоску.

Как она здесь живет?

– Тебе дать полотенце? – послышался Надин голос из кухни.

– Нет, спасибо, у меня свое.

Андрей вдруг удивился тому, как просто он оказался один в квартире с чужой, в общем-то, женщиной, и собирается теперь принять у нее душ.

Жизнь странная штука. И прекрасная в своей странности.

Они успели позавтракать яичницей с беконом и вкуснейшими оладьями со сметаной и уже допивали чай, когда в домофон позвонили.

– Это Сашка!

Надя кинулась открывать, Андрей последовал за ней в коридор.

Через минуту на пороге стоял Александр – изрядно покрупневший, немного полысевший, но в глазах все тот же озорной огонек, который до одиннадцатого класса заставлял учителей напрягаться в ожидании очередной выходки.

«Меняются ли люди с годами? Или мы все те же дети, только научились играть роли, навязанные нам обществом?» – думал Андрей, похлопывая широкую спину сгребшего его в охапку Александра.

– Ну что, вся компания в сборе? Можем считать собрание открытым? – пробасил Сашка, после того, как они обменялись обычными для давно не видевшихся людей вопросами и допили чай. – Кстати, что именно мы будем делать? Я так и не понял, как мы можем повлиять на происходящее, если оно на самом деле происходит.

Надя вопросительно посмотрела на Андрея.

– Думаю, в том, что происходит что-то очень неприятное, сомнений нет, – начал Андрей, глядя по очереди на своих собеседников. – Вопрос в том, как мы можем это изменить. Я уверен, что нам нужно поехать к Нику. Почему-то мне кажется, что вся эта история как-то связана с ним.

– Ой, а мне он как раз позапрошлой ночью приснился, – закивала Надя. – Он был такой же, как в школе. Молодой. И он... кажется, он сказал, что хочет помочь. Я помню, как

проснулась с мыслью, что надо найти Ника. А потом позволила Андрею, и он сказал, что Ник больше не работает в сорок второй.

Сашка слушал Надю, и с каждым ее словом его рот открывался все шире.

– Это очень странно для начинающего скептика, но я тоже видел Ника во сне. И... – он на мгновение замер, как бы вспоминая что-то. – Да, это было позапрошлой ночью.

Все трое многозначительно переглянулись.

Андрей продолжил:

– Кажется, я знаю, где его искать. Я не говорил вам по телефону, потому что не был до конца уверен. Но теперь я вижу, что моя мысль подтверждается.

– И где же он? – в унисон спросили Сашка и Надя.

– Прежде, чем я отвечу, давайте посмотрим на картину в целом. Думаю, мы все согласны, что происходящее в высшей степени загадочно и, в некотором смысле, сверхъестественно. Конечно, все мы помним про бритву Оккама...

– Про что? – Надино лицо выражало недоумение и некоторый испуг.

– Это такой принцип, согласно которому самое простое объяснение, как правило, является самым правильным, – пояснил Андрей, намеренно упрощая. – И, казалось бы, самое простое – предположить, что все это не более, чем совпадение.

– Аминь, брат! – пробурчал Сашка.

Надя недоуменно покосилась на него, но тот подмигнул, и она расслабилась.

– Почему же я не склонен считать, что это так? Причина – та самая бритва Оккама.

– Это как? – Сашка состряпал удивленное лицо.

– Слишком много совпадений. Смотрите. Все смерти связаны одной нитью – умирают наши одноклассники. Подожди, Сашка, я знаю, что ты хочешь возразить. Позволь, я продолжу. Так вот, часть этих смертей носит очень странный характер. Не пившая прежде Светка, Антон с сердечным приступом, да и Димка – часто ли люди вываливаются из автобусов на ходу? Мы не знаем, живы ли остальные, но есть все основания полагать, что Игорь не случайно перестал отвечать Машке. Да и сама Машка... как-будто кто-то убрал человека, знавшего слишком много. Но главное, скажите, с вами ничего необычного не происходило за последние несколько недель?

Надя испуганно замотала головой.

Сашка внимательно смотрел на Андрея. Казалось, он решает, стоит ли сообщить что-то или нет. Потом, немного запынаясь, сказал:

– Я на прошлой неделе... короче, слетел с трассы на своей «четырнадцатой».

– Что?! – в один голос воскликнули Надя и Андрей.

– Да глупость, все обошлось. Первую зиму за рулем – вот и поставил сдуру зимнюю резину только на передние колеса.

Гололед был, ну и улетели на встречу и в сугроб. Все целы, все нормально.

– И что ты об этом думаешь? – тихо спросила Надя.

– Думаю, что я хреновый водитель. А вот супруга мне зарядила проповедь о том, что это знак свыше и что надо покаяться в своем неверии. Похоже, меня эти речи ждут теперь каждый раз, когда что-то пойдет не так.

– А вы не считаете, что это происшествие вписывается в общую картину? – спросил Андрей.

Надя тут же закивала. Сашка молча вертел в руках пустую чашку.

Андрей продолжал:

– Я не говорил вам, но примерно за три месяца до Надиного письма меня стали посещать навязчивые мысли. Мысли о самоубийстве. Как будто кто-то мне диктует их. Я никогда, никогда не думал об этом, да и сейчас нет никакого повода. Это настолько противоречит всем моим жизненным принципам, но мысли приходят все чаще и чаще. И я уверен, что это связано со всем, что происходит.

– Почему ты ничего не сказал? – Надя побледнела, как полотно. Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

– Решил, что ты и без того взволнована. Да и что бы это изменило? В общем, я подумал, что совпадений слишком много для бритвы Оккама. Остается один вариант – все эти события связаны между собой.

– Да уж... – пробормотал Сашка. – Ты почти убедил меня

стать мистиком. Вот только одна неувязочка. Допустим, ты и я стали жертвами этого... эмм... проклятия. А что же Надя? С ней, вроде, ничего сверхъестественно-убийственного не происходило? Или мы чего-то не знаем, а, Надь?

Надя поджала губы и отрицательно покачала головой:

– Нет, ничего такого. Только боялась до смерти. Да и сейчас боюсь. Днем и ночью перед глазами все ребята стоят. И вы тоже.

Сашка торжественно воззрился на Андрея:

– Ну, что скажешь, Шерлок? Почему Надю этот невидимый киллер обошел стороной?

– Я не знаю, как это объяснить. Но Надя – очень важное звено, ведь именно благодаря ей ты и я обо всем узнали.

– Мне не хочется утверждать очевидное, но не значит ли это, что она в опасности... как Маша?

Услышав это, Надя вздрогнула, как будто рядом взорвалась петарда.

– Думаю, мы все в опасности, Саша, – ответил Андрей. – И поэтому мы должны как можно быстрее найти Ника.

Сашкино лицо сохраняло скептическое выражение.

– Ладно, допустим, ты прав. Тогда у меня два вопроса: с чем именно мы, по-твоему, имеем дело, и как нам может помочь наш старый классный руководитель?

– Саша, ну что ты пристал к Андрею? Откуда ему знать все ответы?

– Я, и правда, не знаю всех ответов. Но пара идей у меня

имеется. Возможно, мы действительно имеем дело с чем-то вроде проклятия, как ты, Сашка, верно подметил раньше. Оно как-то связано с нашим классом, а следовательно, Ник тоже часть этого.

Надя вдруг вскрикнула и подпрыгнула на стуле:

– Ребята! А вы помните, как на выпускном мы резали ленты?

– Не помню, – буркнул Сашка. – Я там не был.

– Я тоже не помню. Что за ленты, Надь?

Надя встала и начала взволнованно ходить взад-вперед по залу. Когда она поворачивалась к окну, в ее очках отражалось недавно взошедшее солнце.

– В ресторане был момент, когда родители раздали нам разноцветные ленты. На каждой было написано одно из наших имен. Двенадцать лент – Саша ведь не было. Ника посадили на стул лицом к нам, и мы по-очереди подходили к нему, давали ему один конец ленты, говорили какие-то слова благодарности и разматывали ленточку. В итоге получилось, что от Ника расходились цветные лучи к каждому из нас. А потом ему дали ножницы, и он эти ленточки... отрезал.

Она остановилась посреди зала с выражением немого ужаса на лице.

– Что-то такое припоминаю теперь, – сказал Андрей. – Это, вроде, символизировало, что мы выходим в свободное плавание, да?

– Да-да! Кто-то из родителей еще сказал что-то вроде: «Вы разлетитесь кто куда, но узы дружбы, связывающие вас, останутся навсегда».

Сашка хмыкнул и откинулся на стуле, который при этом угрожающе затрещал.

– И что же, вы думаете, что из-за этого... эмм... обряда вдруг стали один за другим погибать наши одноклассники? Интересно, а если меня там не было, значит, мне ничего не угрожает?

Андрей поднялся, подошел к окну и постоял там с полминуты в задумчивости.

– Я не думаю, что это был обряд, и, скорее всего, дело совсем не в нем. Но вот невидимые нити... В этом что-то есть.

– Ладно. Пусть так. Так что же насчет Ника? Зачем нам нужен он?

– Мы втроем видели его во сне. Я не верю в такие совпадения.

– Погоди, ты тоже видел Ника во сне?

– Это был не совсем сон. В поезде я ненадолго задремал после бесплодных поисков Ника в интернете. И вдруг услышал его голос. Он диктовал буквы, цифры и знаки на английском. Получился электронный адрес: nickrechetov1970@gmail.com.

– О, нет! – простонал Сашка. – Я только недавно отказался от одной иллюзии, а вы мне сейчас предлагаете влезть с го-

ловой в другую!

– Саша, просто дослушай. Я проснулся, но адрес пульсировал в моем сознании, будто кто-то его там выжег. В общем, я решил написать письмо на тот адрес и коротко сообщить Нику обо всем.

– И что, Андрей? – Глаза Нади были как два пятака. – Он тебе ответил?

– Да, ответил. Причем, почти сразу. Он написал: «Немедленно приезжайте» и указал свой точный адрес. Ник в К-ске.

– В К-ске? Интересно, что его туда занесло? Это же полтораста километров отсюда. Я там бывал пару раз... по церковным делам.

– И я хочу попросить тебя съездить туда еще раз. С нами. Андрей умолк и посмотрел Сашке прямо в глаза. Тот, не моргая, смотрел в ответ. Надя переводила взгляд с одного на другого.

– А, к черту! – наконец прервал молчание Сашка и стукнул по столу так, что опрокинул сахарницу. – Сходить с ума, так до конца. Едем!

– Только давайте сначала покушаем! – пискнула Надя и кинулась на кухню.

Глава 7. Сквозь туман

Они выехали в девять утра.

Саратов уже начинал просыпаться и лениво потягиваться: по тротуарам, припорошенным свежим ночным снегом, брели редкие прохожие, полупустые маршрутки не торопясь везли тех, кто в воскресное утро не пожелал остаться дома, на одном из перекрестков мимо них прогремел трамвай с замерзшими окнами.

Проезжая мимо какого-то Дома культуры, Сашка бросил быстрый взгляд на вереницу людей, тянущуюся ко входу, и пробормотал вполголоса:

– Это первое воскресенье, когда я не с ними. Очень странное чувство, скажу я вам.

Андрей, сидевший на переднем пассажирском сидении, повернулся к сидящей за ним Наде и улыбнулся. Она неуверенно улыбнулась в ответ. Сашка смотрел на дорогу и что-то насвистывал.

Заправились до полного бака (Сашка категорически отказался взять у Андрея деньги на бензин) и поехали на выезд.

– Ты точно переобул задние колеса? – в который раз спросила Надя, когда они миновали железнодорожный переезд в Елшанке.

Получив удовлетворительный ответ, она снова откинулась на спинку сидения позади Андрея, теребя от волнения полу

своего пальто. Она считала, что ехать на автобусе безопаснее, и даже предлагала им разделиться и поехать порознь, но мужчины настояли, что нужно держаться вместе.

Машин на дороге почти не было. С обеих сторон шли посадки с поседевшими от инея деревьями. Навстречу проехал УАЗик скорой помощи без мигалок.

– Я слышала, недавно на кольцевой была сильная авария. Кто-то погиб, – снова заговорила Надя.

– Надюша, люди разбиваются насмерть каждый день. – Сашка посмотрел на нее в зеркало заднего вида. – Автомобиль считается транспортным средством повышенной опасности. Не то, что самолет.

– Саша, ну хватит! Я и так вся трясусь от страха.

– Да ладно, Надь, расслабься. Кажется, я знаю, как поднять вам настроение. Скачал на днях пару альбомов Металлики – сто лет их не слушал. Не против, если включу?

Андрей снова оглянулся на Надю. Та пожалала плечами.

– Включай, чего уж там, – сказал он Сашке. – Клинок клином вышибают. Главное, не гони быстро, хорошо?

Сашка довольно ухмыльнулся и нажал кнопку магнитолы. Салон заполнили жесткие риффы «Master of Puppets».¹⁰

Андрей тут же пожалел, что согласился.

– Сегодня что, туман обещали? – прокричала Надя, как только они проехали Жасминку. Ее едва было слышно

¹⁰ «Повелитель марионеток», «Кукловод» (англ.) – песня с одноименного альбома группы Metallica (1986 г.)

сквозь призывы Джеймса Хэтфилда¹¹ повиноваться Кукловоду.

Сашка убавил громкость наполовину.

– Здесь почти всегда туман, – ответил он, включая противотуманки. – Выезжая из Саратова, будто попадаешь в сумеречную зону. Или наоборот, покидаешь ее.

Андрей пристально вглядывался в дорогу, внезапно залившую густым белым молоком – казалось, что ты не едешь в машине, а летишь на самолете сквозь огромное кучевое облако.

Ему вспомнились кадры из «Мглы»¹² – одной из его любимых экранизаций Стивена Кинга. Люди, запертые в супермаркете. Невозможные чудовища, нападающие из густого тумана. Автомобиль, прокладывающий путь сквозь неизвестность. Самоубийство главных героев.

Как ни странно, трагическая концовка фильма всегда нравилась ему больше, чем оригинальная кинговская. Он видел в ней урок – никогда не сдавайся, и выход обязательно найдется. Может быть, осталось дожждаться всего минуту...

А что, если выхода все же нет? Что, если все старания тщетны? Может, лучше сдаться и облегчить страдания себе и другим? Да и что они могут изменить? Их всех ждет одна участь.

Но никто не хочет и думать о том, пока Титаник плы-

¹¹ Фронтмен группы Metallica

¹² Художественный фильм 2007 года по мотивам повести Стивена Кинга «Туман».

– СТОП!!! – Андрею показалось, что он мысленно прогоняет нахлынувшее наваждение. На самом деле он выкрикнул это во весь голос.

Сашка резко надавил на тормоз и крутнул рулем. Остальное Андрей увидел как бы в замедленном воспроизведении.

Слева по внезапно вынырнувшему из тумана перекрестку пронеслась фура, которая неизбежно вцепилась бы в них, если бы Сашка вовремя не затормозил. Их машину потащило юзом на встречу, сейчас они уже смотрели в том направлении, откуда только что ехали. Надя начала пронзительно кричать. Нереально спокойный голос Сашки произнес: «Держитесь, ребята!».

Перед мысленным взором Андрея промелькнула картина: «четырнадцатая» скользит к глубокому кювету, потом вон тот столб ударяет в заднюю правую дверь, где сидит Надя, она кричит от боли, и машина начинает кувыркаться, расплющивая их под тонной железа. Все это пронеслось в его мозгу за те доли секунды, что их тащило к обочине, потом послышался удар, но автомобиль не перевернулся, а мягко съехал задом в кювет и остановился, упершись в сугроб.

Они сидели, вжавшись в кресла, и смотрели в небо, точнее, туда, где за туманом должно быть небо.

– Фух, пронесло... – дрожащим голосом сказал Сашка и попытался открыть дверь.

¹³ Строчка из песни «Титаник» группы Nautilus Pompilius.

Надя истерически всхлипывала – казалось, она смеется странным диким смехом. Андрей перегнулся через спинку своего кресла, взял ее за плечи и слегка встряхнул.

– Все в порядке, Надюш. Мы целы. Все хорошо. – Надя смотрела мимо него и вся тряслась. – Давай, милая, успокойся. Мы живы. Нужно выйти на воздух.

Андрей открыл дверь и не без труда вылез в промозглую белую мглу, тут же провалившись по колено в снег. Сашка вылез со своей стороны и, потеряв равновесие, сел в сугроб. Надя сидела в машине и смотрела прямо перед собой.

– Я совсем забыл про кольцевую, – все с той же дрожью в голосе проговорил Сашка и попытался встать. – Думал, вот-вот будет Красный Октябрь... Там похожий участок дороги... Знак вообще не заметил... Как будто мозг отключили на минуту... Ты вовремя увидел перекресток, Андрюха!

Андрей оглядел «четырнадцатую» – та увязла в снегу по брюхо. На склоне остались следы их экстренного спуска.

– Нужно остановить какой-нибудь грузовик или газель. Трос у тебя есть?

Сашка утвердительно кивнул, потом посмотрел на зад машины, увязший в сугробе.

– Только туда не залезть. Вот, блин! Но главное, все живы-здоровы. Прости, Андрюха, водитель я все-таки никудышный.

– Думаю, дело тут совсем не в тебе. Надя, ты как? – Андрей обошел машину и открыл дверь с Надиной стороны.

На двери осталась вмятина от дорожного знака, о который они ударились, прежде чем съехать в кювет.

– По-лучше... нем-ного. Это... оно. Оно пыта-ется нам по-мешать, – продолжала всхлипывать Надя.

– Тут не поспоришь, – вполголоса произнес Сашка и, проваливаясь по колено на каждом шагу, побрел наверх к едва видневшейся сквозь туман трассе.

За все время, что они стояли внизу, мимо не проехала ни одна машина.

– Андрей, может... повернем назад? – голос Нади почти перестал дрожать, но звучал слабо, как у человека, истощенного до предела.

– Ты же сама понимаешь, что это не решит проблему, – мягким голосом возразил Андрей. – Нам нужен Ник. И мы доберемся до него.

Надя молча кивала, глядя куда-то в туман.

– Посиди в машине пока, хорошо?

Получив утвердительный ответ, Андрей начал карабкаться наверх вслед за Сашкой.

– Ни одного самого задрипанного УАЗика, – пожаловался Сашка, изучая следы их шипов на обледенелой дороге. – Да, круто нас занесло. Точь-в-точь как в прошлый раз.

– Ты про тот случай, когда резину не поменял?

– Ну да.

– Саша, я не думаю, что это совпадение.

– Что?! Не начинай, Андрей.

– Смотри, меня преследуют мысли о суициде, а тебя, похоже, пытаются убрать, выбросив в гололед на встречу.

– Но ведь мы чуть не столкнулись с фурой – если бы не ты... И этот занос произошел потому, что я затормозил.

– Я сам не вполне понимаю, что происходит, но думаю, мне стоит сесть за руль.

– А ты водишь?

– Да, почти десять лет уже. Моя «Нексия» осталась в Екатеринбурге – не рискнул в зиму ехать через перевал.

Сашка задумчиво шаркал ногой по свежим царапинам на дороге. Было видно, что он борется сам с собой. Наконец поднял глаза.

– Ладно. Но сначала нас должны вытащить из кювета. – Сашка достал из кармана телефон. – Вот блин, связи нет. А у тебя?

Оказалось, что сигнала нет у всех троих – видимо, из-за тумана.

Примерно через двадцать минут бесплодного голосования они остановили ГАЗель. Не без труда подцепили трехметровый стальной трос к уху под бампером «четырки» – пришлось подкопать снег спереди, благо водитель ГАЗели дал лопату. Сашка сел за руль, Надя и Андрей вышли на обочину и смотрели, как ГАЗель, ревя мотором, шлифует колесами проезжую часть. Казалось, «четырка» не собирается вылезать из своего снежного ложа, только слышен был хруст бампера, угрожающего лопнуть от натяжения троса. Нако-

нец машина подалась вперед и понемногу стала заползать на склон. Через пять минут она уже стояла на трассе носом к перекрестку.

На прощание, пряча пятисотенную купюру в карман, пожилой водитель ГАЗели дал им бесплатный совет:

– Ехали бы вы назад, ребята. Такой туман, что не дай бог.

– Золотые слова, – пробормотал себе под нос Сашка, садясь на переднее пассажирское сиденье.

Андрей дождался, пока все сели, пристегнулся сам и проверил, пристегнуты ли остальные, включил аварийку, тронулся, проехал пару метров и плавно затормозил.

– Ты чего? – не понял Сашка.

– Тормоза проверяю.

– А! Правильно... Я и не подумал.

– Нам теперь нужно вдвое больше думать. А еще лучше втрое.

«Четырка» по-черепаши подползла к пересечению с четырехполосной кольцевой. Видимость была не то, что нулевая – а даже со знаком «минус». Постояв с минуту, взглядываясь в молоко тумана слева, справа и спереди, Андрей наконец включил передачу и надавил на газ. Все затаили дыхание. Надя зажмурилась и что-то неслышно зашептала одними губами. Она открыла глаза, только когда они уже были по ту сторону.

Машина разогналась до тридцати километров в час и пошла на этой крейсерской скорости. Сквозь туман едва про-

ступали мохнатые лапы деревьев справа. С левой стороны ничего дальше обочины видно не было. Ни встречных, ни попутков им не попадалось.

По общему молчаливому соглашению музыку больше не включали.

Когда они проехали Красный Октябрь, не повстречав в нем ни одной живой души, Андрей сказал:

– Ребята, вам придется со мной всю дорогу разговаривать.

– Это еще зачем? Ты что, засыпаешь? – удивился Сашка.

– Нет, это чтобы мысли заняты были.

Надя увидела в зеркале выражение лица Андрея: напряженная борьба, решимость и, одновременно, страх. Ее сердце замерло в груди, и она поспешила ответить:

– Хорошо, Андрюш, только постарайся не отвлекаться от дороги. И не разгоняйся, ладно?

– Я и не собирался. Тише едешь, дальше будешь.

– От того места, куда едешь, – пробурчал Сашка, но тут же спохватившись, добавил примирительным тоном: – Ладно-ладно. Все правильно ты делаешь, Андрюха.

Через пятнадцать напряженных минут, ежесекундно ожидая очередной напасти, они доехали до федеральной трассы и повернули в направлении К-ска.

Туман по-прежнему лип к стеклам, словно гигантский белый спрут. Лишь изредка, оказавшись на особенно высоком подъеме, они смутно различали очертания близлежащего перелеска или поселка, но вскоре вновь погружались в беспро-

светную белую мглу.

Они не переставая говорили с Андреем. О его переезде в Екатеринбург, о работе в школе, о планах на будущее, обо всем, что приходило в голову. Он отвечал насколько мог подробно, но время от времени они замечали, что его ответы становятся односложными, а руки сжимают руль до побелевших костяшек.

Тогда Сашка, сидевший рядом, окликал его по имени, от чего Андрей вздрагивал, встряхивал головой, словно очнувшись от дремы, и говорил: «Спасибо! Меня опять куда-то понесло. Не давайте мне отвлечься».

После одного из таких «пробуждений» Сашка не выдержал:

– Если бы я не стал убежденным атеистом, я, наверное, сейчас молился бы во весь голос. Все это куда лучше вписывается в религиозную картину мира, чем в материалистическую.

– А я вот молюсь, – робко произнесла с заднего сиденья Надя.

– Молись, Надя, молись. – Сашка задумчиво смотрел сквозь белое молоко за лобовым стеклом. – Повредить это точно не может, а помощь нам сейчас любая нужна. Даже если она чисто психологическая. А ты что думаешь, Андрей?

– Думаю, есть ли у тебя в багажнике запаска.

– Есть. А что такое?

– Слышишь этот шум? И машину влево уводит сильно.

Кажется, мы едем на обочее.

Сашка прислушался.

– Блин, и правда. Но у меня бескамерки, а в ямы мы не влетали, да и скорость черепашня. Что за ерунда?

Андрей остановился на обочине. Мужчины обошли машину и обнаружили, что их догадка была верной – заднее левое колесо полностью спустило.

– Наверное, диск деформировался, когда мы съехали в кювет. – Андрей пристально вглядывался в трассу в обоих направлениях и напряженно вслушивался, готовый к тому, что внезапно на них из тумана может вылететь очередная фура. Но вокруг было тихо, только потрескивали ветки в посадках вдоль дороги.

Сашка открыл багажник и, погремя инструментами, вытащил запасное колесо.

– Шипованное? – спросил Андрей, заранее зная ответ.

– Нет... Не думал, что нужна еще и зимняя запаска.

– Никогда не знаешь, где постелить соломку, да? – Сам Андрей зимой и летом возил запаску с шипами.

Надя вышла к ним и стояла на обочине, зябко обхватив себя за плечи. Мужчины поддомкратили «четырку» и сняли спущенное колесо.

– Как думаете, мы доедем? – спросил Сашка, подавая Андрею баллонный ключ.

Андрей поднял на него полные решимости глаза.

– Даже не сомневайся, слышишь? Мы доедем, и мы побе-

дим это, чем бы оно ни было. Без вариантов. Ясно?

Надя, слушавшая их разговор с обочины, энергично закивала, хотя никто ее там не видел. На ее глаза навернулись слезы. Она была безумно рада, что Андрей рядом, – он вселил в нее надежду.

– Конечно. Ты прав. Без вариантов, – сказал Сашка и покатиł спущенное колесо к багажнику.

Через несколько минут они снова сидели в салоне.

– Где же все машины? – озвучила Надя мучивший всех вопрос. – Это же трасса. А машины ни одной.

– Ну, воскресенье, утро, да еще и туман проклятый. – В голосе Сашки совсем не слышалось уверенности. Он в очередной раз проверил связь на телефоне. – И ни одной палочки. Наверное, Таня мне уже звонила раз десять.

Телефоны Андрея и Нади тоже показывали отсутствие покрытия.

– Что бы там ни было, а нам, чем меньше машин, тем лучше, – Андрей повернул ключ зажигания. – Меньше шансов угодить под фуру.

– Кстати, Маша не на этом участке разбилась? – спросил Сашка.

– Нет, не здесь. Она ехала в Волгоград на выходные. К жениху. – Надя достала платок и громко высморкалась.

Мужчины переглянулись и покачали головами.

Они ехали несколько минут молча, потом Сашка вдруг громко сказал:

– А знаете, что я сделаю, когда все это закончится? – И после небольшой паузы продолжил, – Я напьюсь. Вдрызг. До чертиков. Буду ползать по улице и горланить песни.

Надя сквозь слезы засмеялась, впервые с момента их встречи:

– Я, наверное, составлю тебе компанию. За всю жизнь столько стресса не пережила, сколько за этот декабрь. Тут только радикальные средства помогут.

– Ну а ты, Андрей?

– Что? О чем вы? – Андрей растерянно посмотрел на Сашку.

– О, Господи! Мы же отвлеклись! Прости, Андрей! – Надя испуганно ловила его взгляд в зеркале. – Ты, кажется, говорил, что пишешь рассказы. О чем ты пишешь?

Лицо Андрея снова приняло осознанное выражение.

– О разном. О людях, о жизни... Сложно сказать коротко.

– А ты говори не коротко. Мы никуда и не спешим. – Сашка покосился на стрелку спидометра, колеблющуюся между тридцатью и сорока километрами в час. Казалось, туман стал еще гуще, если такое вообще возможно. – В каком жанре ты пишешь?

– Ну, есть мистика... Не ужасы ради ужасов. Со смыслом. Есть притчи, сатира. Немного даже сай-фай¹⁴... Я, честно, не знаю, как все это охарактеризовать.

– В общем, ты ищешь себя. Пробираешь разное, экспери-

¹⁴ От англ. science fiction (sci-fi) – научная фантастика.

ментлируешь.

– Можно и так сказать. Только у меня почему-то получаются, в основном, грустные концовки. Вот это общее у всего, что я пишу.

– А почему, Андрюш? – Надя обняла ладонями подголовник Сашкиного кресла и положила на них подбородок. – Ты совсем не похож на пессимиста.

– В том-то и дело, что не похож. Но когда я пишу, сюжеты сами выстраиваются в таком ключе, практически помимо моей воли. Будто кто-то берет меня за руку и ведет. Или будто персонажи начинают жить своей жизнью. Я не понимаю, как работает вдохновение и в чем суть творчества, но точно знаю, что это больше, чем просто интеллектуальные упражнения. Это как... – он замялся, подбирая слова. – Иная форма жизни. А всякая жизнь загадочна по своей сути.

– Да уж, с этим не поспоришь, – заметил Сашка, постукивая по лобовому стеклу, будто ожидая в ответ стука из другого измерения. – Достаточно вспомнить, куда и зачем мы едем. Кстати, осталось километров тридцать. И, кажется, туман уже не такой густой.

Вокруг них, действительно, вместо сплошной молочно-белой пелены плыли сероватые клочки, в просветах между которыми виднелись очертания холмов и даже проглядывал солнечный диск почти прямо над ними.

– Осторожней, Андрей! Кто знает, что нас поджидает на границе этой туманности, – не то пошутил, не то предо-

стерег Сашка. – Что это, машина?

Навстречу им неслась, моргая фарами и неистово сигналив, легковушка. Она словно возникла из ниоткуда метрах в двадцати перед ними. Еще секунда, и столкновение было бы неизбежно. Резким движением руля Андрей вывернул на обочину, колеса задрезбужали по гравию, а встречный автомобиль пронесся в десятке сантиметров от них, обдав их мощной воздушной волной.

Они остановились.

– Хор-рошо, что мы ехали м-медленно, – выговорил Сашка, вытирая ладонью лоб. – Что это вообще было?

– Еще один привет с той стороны, – ответил Андрей, оглядываясь вокруг.

Туман остался позади, будто наткнувшись на невидимую преграду. Перед ними простиралась низина, поросшая сухой прошлогодней травой и обрамленная холмами с редким голым перелеском. Впереди виднелась река и автомобильный мост через нее. Солнце светило ярко и холодно. Но больше всего его удивило отсутствие...

– Куда подевался снег? – выразила общее недоумение Надя.

Утром они покинули заснеженный Саратов и ехали в тумане по зимней трассе. Сейчас же под колесами была сухая обочина, а пейзаж был бы полностью серо-бурым, если бы не скудный иней на траве и деревьях.

– Видать, в К-ске снега давно не было. Наверное, стороной

обходил. – Немного успокоившийся Сашка озирался по сторонам. – А туман как раз к перемене погоды. Или когда там туман бывает, я не помню точно?

Андрей задумчиво глядел на проезжающие в обоих направлениях машины, слушая шуршание их шипов по сухой трассе. Проверил сигнал на телефоне – по-прежнему ничего. Потом плавно вырулил на дорогу и стал набирать скорость.

Когда они миновали мост, а стрелка спидометра зашла за отметку «семьдесят», Сашка не выдержал:

– Ты не думаешь, что стоит немного сбросить скорость?

– Я думаю, что все в порядке.

Надя и Сашка изумленно переглянулись. Но еще сильнее они удивились следующему вопросу Андрея:

– Слушай, а у тебя есть что-то из Металлики девяностых? «Load» или «Reload»¹⁵, например.

Сашка ошеломленно пощелкал магнитолой.

Заиграли хард-блюз аккорды «2x4»¹⁶. Андрей начал хлопывать по рулю в такт музыке. Его спутники молча дивились столь резкой смене настроения. Но постепенно его уверенность стала передаваться и им.

Мимо проносились неприкрытые снегом поля, серые холмы и редкие автомобили. Машина летела уже со скоростью девяносто.

¹⁵ Альбомы 1996 и 1997 гг., на которых группа перешла от трэш-метала к хард-року с элементами блюз-рока.

¹⁶ Вторая песня альбома «Load».

«So can't you hear your babies crying now?»¹⁷ – пел Хэтфилд, когда они одолели очередной подъем и увидели приютившийся внизу К-ск.

¹⁷ «Теперь-то ты слышишь плач своих детей?» (англ.) – строчка из песни «Герой дня» («Hero of the Day»).

Глава 8. «Welcome to my world»

Сонный захолустный городишко встретил их серыми пятиэтажками и пыльными улицами, по которым лениво ползли, объезжая колдобины, грязные машины общим количеством не более десяти.

Несколько раз им пришлось останавливаться, чтобы спросить случайных прохожих, как проехать по адресу, указанному Ником в письме. Те давали сбивчивые объяснения, упоминая ориентиры, известные лишь посвященным. Андрей уже отчаялся запомнить, сколько надо проехать после «синей школы» и в какую сторону повернуть перед «старой почтой». Но тут им попалась немолодая женщина в зеленом пуховике, которая, услышав адрес, сразу спросила, не ищут ли они Николая, учителя. Оказалось, что она живет неподалеку от их места назначения и как раз едет домой.

Они тряслись по ухабам грунтовой дороги, в которую внезапно превратилась центральная улица, слушая рассказ о том, что ее внучка Кира учится у «Николаиваныча», и что он ей (внучке) нравится, и как жаль, что он одинокий, да еще и выпивает, и что он мог бы стать директором, если бы не выпивка, а вон и его дом, и спасибо, что подвезли, а вы ему, случайно, не родственники?

Кое-как распрощавшись с разговорчивой провожатой, они подъехали к одноэтажному кирпичному домику под

коричневой металлической крышей и вышли из машины. Перед обшарпанными светло-зелеными воротами стояла неопределенного цвета «Лада Гранта», над которой из палисадника нависала одинокая голая вишня. Кругом валялась бурая, схваченная морозом, листва. Очень близко залаяла собака внушительных, судя по голосу, размеров. Пахло топящейся где-то рядом баней.

Андрей подошел к воротам и позвонил в звонок. Прислушался. Нажал еще раз. Поняв, что звука нет, постучал.

Надя, молчавшая последние полчаса, сказала:

– Я так волнуюсь, будто не к бывшему классному руководителю приехала, а к Господу Богу.

– Остается надеяться, что это не Бог Ветхого Завета, – попытался пошутить Сашка, но его спутники даже не улыбнулись. Как только они въехали в К-ск, Андрей вдруг снова стал напряженным и молчаливым, и Сашка даже подумывал, не начать ли снова развлекать его разговорами.

Хлопнула входная дверь, послышались шаги, в замке повернулся ключ, калитка открылась, и они увидели Ника.

Существует расхожее высказывание о том, что одно и то же дерево каждый человек увидит по-своему. Некоторые философы утверждают, что два человека в принципе не могут видеть мир одинаково. Даже цвета каждый воспринимает индивидуально, лишь в общих чертах соглашаясь с принятой классификацией: «этот синий, а вот этот красный».

Возможно, эти мыслители правы, а наши трое друзей были редким исключением, лишь подтверждающим общее правило. Потому что каждый из них в тот момент увидел и почувствовал совершенно одинаковые вещи.

Они смотрели на немолодого, высокого, широкоплечего мужчину с черными с проседью волосами и правильными чертами лица, в зимней «аляске» поверх футболки и трико, а видели свое детство, сорок вторую школу, одноклассников и все то, чего уже никогда не вернуть, как бы сильно этого ни хотелось.

Ник смотрел на них и, казалось, не мог подобрать подходящих слов для приветствия. Наконец он заговорил, и им почудилось, что в его голосе помимо волнения было что-то еще. Что-то едва уловимое и вроде бы совершенно неуместное.

Мог ли это быть страх?

– Ребята! Вы смогли... Я... Вы не представляете, что это для меня значит! Пожалуйста, заходите!

Ник сделал было шаг в сторону, чтобы пропустить их вперед, но передумал и раскрыл объятия. Сашка, Надя и Андрей по очереди обняли своего классного. Его руки были крепкими, а спина широкой, от него пахло теплом, табаком и собачьей шерстью. Надя вдруг вспомнила отца и почувствовала, как увлажнились глаза.

Они прошли по бетонной дорожке, стараясь обходить покрытые инеем кучки бурых листьев, мимо вольера с огром-

ным грустноглазым кавказцем и вошли в дом.

Ник взял Надино пальто и повесил на вешалку в прихожей; мужчины разделлись сами.

– Welcome to my world, dear friends!¹⁸ – сказал Ник и пригласил их следовать за ним.

Проходя по коридорчику мимо ванной и кухни, ребята смущенно улыбались и оглядывались по сторонам.

– Не похоже на Вашу саратовскую квартиру. – Сашка украдкой покосился на мусорный пакет и шеренгу пустых бутылок, выстроившихся вдоль стены в коридоре. – Но здесь попросторнее будет. Только вот потолки немного давят. Почему же Вы, все-таки, переехали? И где Тамара Михайловна?

Ник сделал вид, что не заметил Сашкиного взгляда.

– С Тамарой мы разошлись. А насчет переезда... Это долгая история. Пойдемте в гостиную, поговорим обо всем за чаем. Или вы посущественнее что будете?

– Спасибо, Николай Иванович, Надя нас плотно накормила перед выездом, – ответил за всех Андрей, очень надеясь, что вопрос был именно о еде. Он не очень хорошо представлял себе, как они сядут за бутылкой со своим бывшим классным. А еще он вдруг понял, что ели-то они уже давненько – путь через туман со всеми вынужденными остановками занял у них почти четыре часа. И это всего сто пятьдесят километров!

¹⁸ Добро пожаловать в мой мир, дорогие друзья! (англ.)

– Что ж, значит, чай. Или, может, кофе?

Получив от всех заказы по напиткам и количеству сахара, Ник ушел греметь посудой на кухню. Сашка услышал, что первыми загремели пустые бутылки – видимо, Ник убирал их под мойку или еще куда-то.

«Не судите, да не судимы будете», – вдруг вспомнилось Сашке. Он грустно усмехнулся этой своей мысли. Веришь ты или нет, а библейские цитаты годятся ко многим жизненным ситуациям. Как, впрочем, и любые цитаты.

Они сидели на диване рядом с дверью и осматривали гостиную.

С подставки напротив дивана на них смотрел черный плоский глаз телевизора. Справа от него, перед одним из трех узеньких окошек, впускавших в комнату тусклый солнечный свет, стоял небольшой письменный стол с открытым ноутбуком и кучей каких-то бумаг.

«Как мало света», – подумала Надя. – «И потолки такие давящие».

Внимание Андрея сразу привлек книжный шкаф у стены справа, в котором он различил белые корешки собраний Ремарка, Солженицына и Мастерова американской фантастики – все в мягком переплете. Отдельную полку занимал Стивен Кинг, причем, исключительно англоязычные издания. (Андрей и сам не любил читать Короля на русском – при этом терялась половина его прелестей. Правда, подростком глотал книгу за книгой в паршивеньких переводах издатель-

ства «Кэдмен» – и не жаловался. Но тогда он вообще ничего по-английски еще не читал).

Напротив шкафа, слева от дивана стоял старый сервант, за стеклянными раздвижными дверцами которого пылились фужеры, рюмки, какие-то ракушки, да блестел полупустой графин. В углу, рядом с сервантом, было еще одно узенькое окошко – видимо, то самое, что выходило во двор у калитки. Но особого света оно не прибавляло.

Андрей взял с подлокотника дивана книгу, заложенную посередине. «Имя Розы» Умберто Эко. Он много слышал о ней, но еще не успел прочесть. И фильм не смотрел. Когда все это закончится, обязательно возьмет ее в библиотеке рядом с домом.

Тем временем Ник вернулся с разделочной доской, на которой стояли бокалы разной величины и цвета. Подарки учеников, предположил Андрей. Гости разобрали по бокалу. Ник взял оставшийся, пододвинул от окна стул, сел напротив них и с плохо скрываемым волнением переводил взгляд с одного на другого.

Первым тишину нарушил Андрей:

– Я должен был давно позвонить Вам, Николай Иванович. Я ведь тоже стал учителем. Кто бы мог подумать, да?

Ник странно улыбнулся и ответил:

– А я всегда видел в тебе эту тягу, Андрей. Ты прирожденный учитель. Думаю, дети тебя любят.

– Ну, по-всякому, конечно, – заскромничал Андрей. – Но,

в основном, да.

Сашка и Надя уже приготовились отвечать на вопросы о своей карьере, когда Ник вдруг сказал:

– Я так рад, что вы все-таки смогли... вырваться и навестить меня. Вы не представляете, как много это для меня значит.

Гости понимающе закивали, а Андрей решил, что пора перейти к делу:

– Вы знаете, почему мы здесь, Николай Иванович, – сказал он, ставя полупустой бокал на подлокотник рядом с книгой Эко.

– Да, конечно, знаю... – Ник встал со стула и отошел к угловому окошку.

– И что Вы обо всем этом думаете? – спросил Сашка.

– Думаю, что жизнь чертовски странная штука...

Надя, не притронувшаяся за все это время к своему чаю и во все глаза таращившаяся на Ника, вдруг вскочила с дивана, расплескав часть содержимого бокала.

– Это ужасно, Николай Иваныч! И это все не случайно! Мы все в опасности! И Вы тоже! Нам нужно что-то делать, и Андрей считает, что Вы можете найти решение!

Она повернулась к Андрею, ища поддержки. Сашка тоже посмотрел на него, мол, выкладывай.

– Да, – сказал Андрей. – Я не знаю почему, но все мы видели Вас во сне, а мне Вы продиктовали свой e-mail, когда я не смог найти Вас в сорок второй.

– Велики и чудны дела Твои, Господи! – вполголоса про-
бормотал Сашка и отхлебнул свой кофе.

Они все молчали, ожидая ответа Ника. Надя снова села на диван между мужчинами. Ник стоял у окна и, казалось, прокручивал в голове возможные варианты развития событий.

Наконец, когда тишина стала казаться невыносимой, он сказал:

– Ребята, я хочу вам кое-что показать.

Все трое сидели, молча наблюдая, как Ник подходит к книжному шкафу и достает с верхней полки пухлый темно-коричневый фотоальбом. Он постоял с ним в руках в некоторой нерешительности, и Андрею на миг показалось, что Ник собирается поставить его на место. Но тот подвинул стул поближе к дивану и сел рядом с ними, положив альбом на колени.

– Это альбом с моими классами. Я храню в нем все фотографии своих выпускников. Не против, если мы его полистаем вместе?

– Конечно! – Сашка был искренне рад сменить тему и протянул руки за альбомом. – Я сам уже хотел спросить, не сохранились ли у Вас наши фотки.

Ник внимательно посмотрел на Сашку, улыбнулся, но альбом не отдал.

– Если вы не против, я покажу вам его с конца, в обратной хронологии.

Не дожидаясь ответа, Ник открыл последние страницы.

С цветной фотографии почти во весь альбомный лист смеялись ребята и девчонки в яркой летней одежде. Они стояли в разных позах вокруг нарисованного на асфальте огромного малинового сердца с надписью: «НИКогда не забудем!!! We LOVE you!!! 11А. Выпуск 2018».

– Это мой последний выпуск. После них я уже не брал классов. Я теперь просто учитель английского.

– Веселые ребята. Сразу видно, что дружные, – сказала Надя, рассматривая фото. – И мальчиков больше, чем девочек. Прямо как у нас.

Ник кивнул и перевернул назад несколько страниц с теми же ребятами, но в парадной форме с лентами, в костюмах у елки, в поезде, на Красной площади, в лесу. Ребята молодели с каждым поворотом страницы. Потом появилось фото с новыми лицами.

– А эти были до них. Ох и шалопаи – попили они моей крови! Но на выпускном плакали и они, и я.

Андрей, Сашка и Надя задумчиво рассматривали лица ребят, невольно сравнивая их с собой и своими школьными товарищами.

– Это какой, получается, год? – спросил Сашка.

– Две тысячи одиннадцатый. Но этих я довел только до девятого класса. Они почти все ушли из школы после девятого, и мне дали новый пятый.

– Повезло... – Андрей ощущал нарастающее возбужде-

ние, но не мог понять его причину.

Он украдкой посмотрел на Надю. Та сидела, притихшая, и бросала нервные взгляды то на Ника, то на Андрея. Только Сашка явно чувствовал себя в своей тарелке.

– И сколько же их было после нас? – спросил он.

Ник поднял глаза от альбома, и Андрей увидел в них что-то, очень похожее на... сочувствие?

– Всего было четыре выпуска. Три полных – с пятого по одиннадцатый – и один вот этот, «экспресс».

– Это двадцать шесть лет, – на лету сосчитал Сашка. – Значит... – и осекся. – Что-то я не понимаю... Так если мы были первыми, то тут что-то не сходится...

Ник ничего не ответил, продолжая листать альбом в сторону начала.

Цвета фотографий становились бледнее, одежда старомоднее, лица школьников серьезнее. На самой первой фотографии, почти черно-белой, настолько ее качество отличалось от тех, что были в конце альбома, около пятнадцати мальчишек и девчонок стояли на ступеньках школы. Их прически, портфели и одежда были почти одинаковыми. Только лица выделялись на общем сине-бело-коричневом фоне.

Лица были серьезными, торжественными и... чужими.

Как и само здание школы.

Гости с недоумением смотрели на своего классного руководителя.

– Ник... Николай Иванович... Но это же... – заикаясь на-

чала Надя.

– Не вы, – закончил за нее Ник.

Глава 9. Правила игры

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Каждый из ребят пытался осмыслить только что услышанное. Происходящее вдруг показалось им дико сюрреалистичным, будто они внезапно попали в чужой сон. Или проснулись, чтобы увидеть, что реальность еще причудливее, чем сновидение.

– Я... Я не понимаю... – пробормотал Андрей. – Как это может быть?

Ник сделал глубокий вдох, будто перед погружением в воду, и заговорил:

– Я никогда не работал в сорок второй, ребята. Я вообще не работал ни в одной из саратовских школ. И у меня никогда не было вашего класса, в буквальном смысле. Но я, все-таки, ваш классный руководитель. И даже больше. Кажется, я создал всех вас.

Все трое, раскрыв рты, уставились на мужчину с альбомом, который внезапно из совершенно нормального старого знакомого превратился в сумасшедшего.

– Что Вы такое говорите?! – Надя завертела головой вправо-влево в поисках поддержки. Сидящие по бокам от нее Андрей и Сашка не могли найти слов и лишь тараторили на Ника. – Николай Иваныч, пожалуйста, прекратите эти глупые шутки!

Ник наклонился вперед, чтобы обнять Надю за плечи, но та вырвалась, вскочила с дивана и отбежала к окну. Ник вздохнул и весь как-то ссутулился.

– Послушайте меня, ребята. Я прекрасно понимаю, как все это выглядит со стороны. Но я не шучу. И я в своем уме, хотя, увидев вас, сперва подумал обратное. Вы должны меня выслушать, а потом уже сделать свои выводы.

Он умоляюще посмотрел на каждого, как бы спрашивая позволения продолжать. Ответом ему было молчание, и он продолжил:

– Несколько лет назад я задумал написать роман. Как бы подвести итог. Своей педагогической деятельности, своей жизни, не знаю даже точно, чему именно, но некий итог. Своего рода черту. И тогда я увидел в своем воображении вас. Тебя, Андрей, тебя, Саша, тебя, Надя, и всех остальных: Машку, Свету, Рустама, Диму, Алису, Игоря, Антона, Сергея, Семена, Риту – всех вас. Я видел вас, как наяву. С вашими характерами, привычками, причудами, со всеми вашими сложными взаимоотношениями. Вы были настолько реальны, что иногда я даже начинал верить, будто, в самом деле, когда-то учил вас.

Я начал писать. Слова лились бурным потоком, заполняя строчку за строчкой, абзац за абзацем, страницу за страницей, словно кто-то диктовал мне их, водил моей рукой, словно все вы лишь ждали своего часа, чтобы родиться, прийти в этот мир.

Я писал и чувствовал, что создаю жизнь.

А еще я заметил, что каждый из вас как бы выпитал частичку меня. Такого, какой я есть. И того, каким я мог бы быть. В каждом из вас я видел отражение какой-то своей грани, как во множестве капель воды, разбрызганных по столу.

И я полюбил всех вас. Ведь вы – это, в конечном итоге, я сам.

– Как это объясняет все смерти? – хлестко, как следователь, произнес Сашка, вонзив испытующий взгляд в незнакомца, сидящего напротив.

– Дело в том, что вся история моей жизни устлана разбитыми мечтами и стремлениями. Думаю, я не уникален в этом. Только вот я решил перенести это на бумагу. И я писал, как одна за другой умирали мои юношеские мечты. Мечты о военной карьере, о спорте, о счастливой семье, о жизни за границей, о дружбе, о счастье. Только умирали они в лице ребят из «моего» класса. В вашем лице. Не всегда в точной хронологии, но каждая смерть символизировала следующую ступень моего внутреннего распада.

– Это жестоко. Очень жестоко... – пробормотала Надя, по-прежнему стоя у окна. – И это так... нелепо. Почему мы должны Вам верить?

Ник тоже встал и прошелся по комнате. Ребята не сводили с него глаз.

Каждый из них мечтал сейчас проснуться от этого безумного сна и оказаться дома, в привычной реальности, ка-

кой бы суровой она ни была. Никакая реальность не могла сравниться жестокостью с миром, который пытался изобразить этот странный человек.

Ник остановился у книжного шкафа, сформировав равнобедренный треугольник: Сашка и Андрей на диване, Надя у окна, а он сам – на равном расстоянии от двух других вершин.

– Вы не смогли найти меня в сорок второй, так? – спросил он.

– Это ничего не доказывает, – возразил Сашка. – Секретарь не сказала Андрею, что Вы там никогда не работали. И, кроме того, как «Ваша» сорок вторая могла попасть в «нашу» реальность? Это если верить тому, что Вы сейчас рассказываете. Но я не верю этому ни на грамм.

– Я сам с трудом верю, Саша. И мне тоже не понятно, как вы смогли связаться с «моей» реальностью. Но я думаю... Нет, я уверен, что вы пришли, чтобы спасти меня. Кто-то или что-то пожелало остановить меня на пути саморазрушения, когда я уже подошел к финишной черте.

– Я по-прежнему далек от того, чтобы поверить, что я книжный персонаж, а не личность! – Сашкин голос звучал скептически, но в глазах его был детский беззащитный страх. Страх перед правдой, которую вдруг во всей голой красе представили твоему неподготовленному взору.

– Ты личность, Саша. Вы все личности, ничуть не меньше, чем я сам. Позвольте мне показать вам еще кое-что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.